

Неизвестный художник.
Портрет Я. И. Бередникова.
Не ранее 17 ноября 1753 г.
Холст, масло*

19 октября 1841 года было Высочайше утверждено Положение о Втором отделении Императорской Академии наук — Отделении русского языка и словесности (ОРЯС)¹. Первые академики и адъюнкты по отделению были назначены специальным указом министра народного просвещения, президента Академии наук С. С. Уварова. Тогда же был определен и круг занятий новых членов академического сообщества: «основательное исследование» русского языка и других «славянских наречий», изучение истории русского языка, русской литературы и истории, а также создание учебника по русской грамматике и издание «полного» словаря русского языка. А всю работу по сбору, исследованию и научному использованию «исторических памятников языка и древней письменности» следовало проводить совместно с Археографической комиссией². Так среди «пионеров» Отделения русского языка и словесности оказался коллежский асессор Яков Иванович

Бередников — участник Археографической экспедиции Строева, член и главный редактор Археографической комиссии, библиотекарь Академии наук; в состав обновленной Академии он вошел как адъюнкт по ОРЯС³.

Удивительна судьба этого человека! Не знатен и не богат, не имел законченного среднего образования, не завершил слушанья лекций в университете, был слаб здоровьем. Он начал свою службу с самых низших канцелярских должностей, без особой надежды изменить свой социальный статус, много болел — не раз находился на краю гибели. Но благодаря огромному труду, упорству в работе и невероятному чутью Бередников стал известным ученым, признанным авторитетом в области изучения памятников древнерусской письменности, потомственным дворянином, важным государственным чиновником, кавалером нескольких орденов.

В конце XIX века дочь Бередникова, Надежда Яковлевна, написала о своем отце мемуары. Она вспоминала его так: «Человек, которому всегда приятны были кабинетные занятия ученого, который по какому-то неясному, но верному предчувствию отказывался для них от наследственного ремесла, десять лет переходил нижние ступени канцелярской службы и без случайного в жизни своего оборота мог исчезнуть никем не uznанный и не совершивший ничего памятного»⁴. Это правда, судьба его не раз совершала удивительные «обороты».

Я. И. Бередников, сын Тихвинского купца Ивана Тимофеевича, родился 7 октября 1793 г. в Санкт-Петербурге, куда его отец приехал по торговым делам вместе с молодой беременной женой. Яков был первым ребенком, любимцем, и, наверное, поэтому родители по-настоящему вложились в образование сына, не смотря на то, что это была патриархальная купеческая семья с традиционными представлениями о воспитании детей.

* СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Б. Д. 146. Л. 1.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 82–83 об.

² ПСЗ. Собр. 2. Т. XVI (1841). № 14940. §§ 17–19.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 84–86; СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 345. Оп. 2. Д. 11. Л. 10 об.

Вначале с мальчиком занимались дома специально приглашенные учителя, а потом он поступил в школу при Большом Тихвинском монастыре (Успенский Богородичный монастырь). Здесь Бередников показал блестящие успехи в гуманитарных науках, поэтому его взялся лично опекать игумен Герасим Князев, по просьбе которого способный ученик сочинял вирши в честь важных паломников и с выражением читал их перед гостями. Здесь же в монастыре Бередников изучал иностранные языки и литературу под руководством одного из монастырских насельников. Образование, полученное в Тихвине, позволило ему поступить в старший класс знаменитой столичной гимназии на Мещанской улице (сейчас это — Вторая Санкт-Петербургская гимназия, старейшая государственная гимназия России). Здесь его одноклассником был Павел Фус — будущий непреременный секретарь Академии наук, отечественную словесность преподавал Н. Н. Язвицкий — поэт, теоретик литературы. Тогда же в Петербурге юному Бередникову посчастливилось представить свои стихи Г. Р. Державину. Из-за болезни даровитый юноша не смог доучиться; так, казалось бы, вначале милостивая судьба, в конце отвернулась от него, и зимой 1810 года Бередникову пришлось вернуться домой, в Тихвин, не дожидаясь окончания учебного года.

Жажда знаний не давала покоя и, окрепнув, Бередников собрался на учебу в Московский университет. Но судьба сделала новый «оборот»: началась война, к Москве приближались французские войска, вместе с другими беженцами Бередников покинул город.

Дальнейшие годы были полностью отданы учебе: в звании вольного слушателя Бередников обучался в Казанском (1813–1815) и Московском (1815–1819) университетах, где слушал лекции по теоретической и практической философии, эстетике и теории словесности, красноречию и поэзии, латинской словесности, политэкономии, статистике Российской империи, археологии, всеобщей и российской истории, арифметике, алгебре и геометрии, естественному и римскому праву, уголовному праву России, уголовному и гражданскому судопроизводству⁵. Видимо, стесненные материальные обстоятельства вынудили его во время учебы в Москве поступить гувернером в семью Нарышкиных. Как писала позднее дочь Бередникова: «Вступив в аристократический дом в качестве гувернера и учителя, отец мой вскоре был принят в нем как свой. Его выдающийся ум, добродушие и рыцарски благородный характер скоро снискали ему дружеское расположение членов этой семьи»⁶.

Однако этот счастливый период полного погружения в науку закончился в январе 1819 года. Бередников оставил университет и поступил в Новгородскую казенную палату на должность канцеляриста. Он с детства грезил поэзией, изучал историю и языки, а теперь был вынужден заниматься скучной канцелярской работой, которую, тем не менее, «при благородном поведении отправлял с отличным усердием и успехом, и во всяком случае обращал на себя особенное внимание и удовольствие начальства»⁷. В это время на молодого Бередникова, действительно, обратили внимание влиятельные люди города такие, как Новгородский вице-губернатор В. С. Филимонов и генерал-адъютант А. Н. Потапов. Последний помог образованному и старательному юноше перейти на службу в военное ведомство: в течение одного 1825 года Бередников в чине коллежского регистратора (самый низший 14 класс по Табели о рангах) служил в канцелярии дежурного генерала Главного штаба, в инспекторском департаменте Штаба и в канцелярии Новороссийского генерал-губернатора в Одессе.

Климат южного города оказался губителен для больных легких Бередникова, и в самом начале 1826 года он вернулся в Новгород. Здесь в это время был новый генерал-губернатор — Де Роберти, который также проникся симпатией к исполнительному и дельному чиновнику.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 345. Оп. 2. Д. 1. Л. 1-1 об., 3.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 345. Оп. 2. Д. 11. Л. 8.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 345. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

Через год Бередников вышел в отставку и поселился в родном Тихвине. С этого времени он полностью посвятил себя труду, близкому и понятному: копался в монастырских и церковных архивах, разбирал хранящиеся там рукописи и книги⁸, занимался сочинительством, общался с такими же, как он, любителями изящной словесности и «старины глубокой», которые в то время проживали или бывали в Тихвине. В круг его тогдашнего общения входили: элегический поэт Александр Абрамович Крылов, член Вольного общества любителей российской словесности, чьи стихи и переводы из Вольтера и Жака Делиля печатались в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», Тихвинские помещики братья Римские-Корсаковы и барон Егор Федорович Розен, поэт и драматург.

В конце 1829 года судьба делает очередной «оборот». Сын Новгородского вице-губернатора, покровителя Бередникова, молодой Де Роберти свел ученого-любителя с известным историком Павлом Михайловичем Строевым, который при содействии Академии наук «путешествовал по России для обогащения новыми открытиями нашей истории»⁹. Встретившись с Бередниковым, Строев остался доволен его научным кругозором и практическими навыками палеографа. В результате, 21 февраля 1830 г. Я. И. Бередников был принят на службу в Канцелярию Комитета правления Академии наук канцелярским чиновником с сохранением прежнего XIV класса. Его откомандировали к начальнику Археографической экспедиции, пообещав полное содержание и сверх того жалованья 1200 рублей в год на время экспедиции и награду по результатам работы¹⁰.

Вскоре выяснилось, что Бередников и Строев, оба с непростыми характерами, не способны вести совместные исследования, поэтому экспедиция разделилась, и с 1830 по 1834 год каждый из них работал фактически самостоятельно¹¹. За это время Бередников посетил 12 губерний: Петербургскую, Олонецкую, Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Московскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую, Казанскую, Вятскую, в общей сложности обоими путешественниками было осмотрено почти 200 архивов и библиотек¹². Работали трудно не только из-за огромного объема прочитанного материала и сделанных выписок, но и из-за тяжелых бытовых условий. Часто приходилось располагаться в холодных помещениях, мало приспособленных для чтения и письма, в климате вредном для любого человека, не только для слабого здоровьем Бередникова¹³. Насельники многих монастырей относились с недоверием к работе ученого, подозревая его в недобрых намерениях¹⁴.

В 1834 году «за ревностную службу и отличные труды по Археографической экспедиции» Бередников получил свой первый орден — Анну 3 степени¹⁵ и был зачислен

⁸ Часть найденных тогда рукописей Бередников опубликовал в журналах «Сын Отечества» и «Северный архив». См.: *Плетнев П. А.* Академик Я. И. Бередников // Известия Имп. АН по ОРЯС. Т. III. С. 328.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 345. Оп. 2. Д. 11. Л. 16.

¹⁰ Там же.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 345. Оп. 2. Д. 11. Л. 17 об.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 345. Оп. 2. Д. 11. Л. 18–18 об., 20.

¹³ Еще в самом начале экспедиции Бередников сильно простудился, осматривая архивохранилище Успенского Трифонова монастыря, и слег в смертельной горячке на полтора месяца. Во время эпидемии холеры 1830–31 гг., Бередников попал в самый эпицентр страшного холерного бунта в Вышнем Волочке. СПбФ АРАН. Ф. 345. Оп. 2. Д. 11. Л. 19 об., 21.

¹⁴ Например, А. В. Никитенко писал в дневнике о своем посещении Соловецкого монастыря: «В монастырской библиотеке много древних рукописей и грамот. Теперь в монастыре уже более шести недель живет Бередников, товарищ Строева. Он занимается разборкой архива и выписками из находящихся в нем сокровищ. Монахи на него негодуют, потому что он не показывает им своих выписок и извлечений». — Запись от 1 августа 1834 г. *Никитенко А. В.* Записки и дневник (1826–1877). СПб., 1893. С. 340.

¹⁵ Гражданские лица получали орден Св. Анны «в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы», «за жертву государству своих дарований». Для чиновника не дворянина такого, как Бередников, получение первого «крестика» означало повышение в социальном статусе, приближение к

в состав комиссии для издания собранных Археографической экспедицией исторических материалов¹⁶.

Большее судьба не отворачивалась от Бередникова: любимое дело — археография — стало его профессией, он уверенно двигался по служебной лестнице, подчас «перепрыгивая» положенные Табелью о рангах годы выслуги и негласные правила награждения орденами. Например, по сложившейся традиции Св. Владимир 4 степени жаловался чиновникам не ниже 7 класса — Бередников тогда был коллежским секретарем, т.е. имел 10 класс; коллежского асессора он получил спустя два года после получения предыдущего чина вместо положенных четырех¹⁷. Подобное Высочайшее благоволение, редкое в отношении к ученому-гуманитарию, неизменно выказывалось за «особые труды по Археографической комиссии». С 1837 года Бередников, к тому времени — библиотекарь Академии наук, вплотную занялся разбором сокровищ Археографической экспедиции, заняв место главного редактора Археографической комиссии и издателя Полного собрания русских летописей.

Назначение Бередникова в адъюнкты по ОРЯС в 1841 году стало началом успешной академической карьеры: в 1845 году он был избран в экстраординарные академики, не дожидаясь истечения положенного шестилетнего срока¹⁸, а в 1847 г. — в ординарные академики¹⁹. Вступив в Академию наук, ученый не оставил прежней работы в Археографической комиссии, на нее он тратил львиную долю сил и времени²⁰.

В самой Академии «совокупно» с другими членами ОРЯС Бередников был занят составлением и редактированием «Словаря церковно-славянского и русского языка» и «Общесравнительной грамматики русского языка и областного великорусского языка», выполнял отдельные задания отделения²¹, а также трудился над «полным и обстоятельным списком всем русским книгам и брошюрам, выходящим в свет с 1841 года, в виде современной летописи»²². Как библиотекарь Академии наук Бередников разобрал документы из «Миллерова портфеля», материалы по истории Сибири, переданные ему академиком К. М. Бэр. Результатом кропотливой работы археографа стала публикация рукописей XVII века в «Дополнениях к Актам историческим»²³.

В 1848 г. Казанский университет, *alma mater* Бередникова, единогласно избрал его в свои почетные члены «в знак искреннего уважения к примерно ревностным и весьма

заветному дворянскому званию. Право потомственного дворянства Бередников приобрел с получением Св. Владимира 4 ст. в 1836 г.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а. Д. 1. Л. 30; Оп. 5. Д. 27. Л. 452 об.–453.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а. Д. 1. Л. 41 об.; Оп. 5. Д. 27. Л. 454 об.–455.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 99. Л. 18–18 об., 60–60 об.; Д. 100. Л. 31 об., 37–37 об.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 185 об.–186; Д. 103. Л. 3 об.–4 об., 13 об.–14., 36 об.–37.

²⁰ См.: Басаргина Е. Ю. Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук в 1841–1891 годы (Исторический очерк) // Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841–1891 гг. Сборник документов / Сост. Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова. СПб., 2016. — В печати.

²¹ Например, в 1846 г. Бередников совместно с академиками Востоковым и Плетневым составил план научной работы для преподавателя С.-Петербургского университета П. А. Кулиша, которого члены ОРЯС предполагали направить за границу для изучения славянских наречий. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 80 об.–83. См.: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841–1891 гг. Сборник документов / Сост. Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова. СПб., 2016. — В печати.

²² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 104–115 об.; Извлечение из протоколов первых заседаний Второго отделения Императорской Академии наук. СПб., 1842. С. 31–45.

²³ Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 2. СПб., 1846. [2], 280, 8, 10 с.; Плетнев П. А. Академик Я. И. Бередников // Известия Имп. АН по ОРЯС. Т. III. С. 348. См. также библиографию трудов Я.И. Бередникова в кн.: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841–1891 гг. Сборник документов / Сост. Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова. СПб., 2016. — В печати.

важным его трудам, преимущественно по образцовому изданию Полного собрания русских летописей»²⁴.

Я. И. Бередников скончался в С.-Петербурге 28 сентября 1854 г., похоронили его в родном Тихвине. На первой странице воспоминаний об отце, начатых в 1893 г., в день его столетия, Н. Я. Бередникова записала: «Вспомнят ли <...> о нем в Академическом собрании нынешние коллеги или день тот пройдет обычной чередой, ничем не отмеченный, подобно тому, как бесшумно протекла жизнь покойного в молчаливой тишине кабинета, где в стороне от людской молвы самоотверженно работал он на пользу русской истории до самой кончины. Как теперь вижу я моего отца в этом кабинете в пятом этаже каменного дома на Фонтанке, в плохонькой квартирке с убогой обстановкой, где протекла большая часть моего детства, где печатались русские летописи и редактировались акты Археографической комиссии и проч., и письменный стол, за которым в старом халатике скромно трудился и день, и по ночам мой хворый отец, движимый любовью к России и науке»²⁵.

Использованная литература:

ПСЗ. Собр. 2. Т. XVI (1841).

Плетнев П. А. Академик Я. И. Бередников // Известия Имп. АН по ОРЯС. Т. III. 1854. С. 321–352.

Никитенко А. В. Записки и дневник (1826–1877). СПб., 1893. Т. I. 588 с.

Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841–1891 гг. Сборник документов / Сост. Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова. СПб., 2016. — В печати.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 129–130.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 345. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–1 об.